

Глава 17. Тан Сьюй

Путь до поместья Красной птицы лежал неблизкий.

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу погнали коней во весь опор, но даже так дорога должна была занять три дня. К исходу вторых суток они достигли городка Тунло. До поместья оставалось уже рукой подать, а сам Тунло оказался местом довольно оживлённым.

На закате путники отыскивали постоялый двор и решили устроиться на ночлег.

Лу Сяофэн, верный своим привычкам, не удержался и заказал вина. Старого «Чжуецина» в погребах не нашлось, зато подали добрый «Нюэр Хун», какой всегда водится в приличных заведениях.

Хуа Маньлоу, хоть и не разделял безудержной страсти друга к хмельному, от пары чарок никогда не отказывался, а потому с удовольствием составил ему компанию.

— Брат Хуа, — вдруг заговорил Лу Сяофэн, пригубив чашу, — сколько же дней я не пробовал твоего вина из цветов османтуса?

— Оно тонкое и сладкое, — отозвался Хуа Маньлоу. — Я-то всегда думал, что тебе, Лу-сюн, оно кажется слишком пресным, чтобы пить вволю.

— Вино, что ты варишь сам, оставляет бесконечное послевкусие. Оно лёгкое, но проникает до мозга костей. Стоит лишь вспомнить — и на душе становится удивительно тепло.

Хуа Маньлоу улыбнулся.

— Тогда дождёмся возвращения из поместья Красной птицы. Вернёмся в твой Терем сотни цветов и выпьем всласть, любуясь садом.

Лу Сяофэн кивнул и залпом осушил чашу.

— По рукам! И смотри, не вздумай отнекиваться.

— Разумеется, — Хуа Маньлоу тоже допил своё вино.

Едва они успели насладиться моментом, как за окном раздалось пение. Кто-то заголосил, сопровождая свои вопли ударами в треснувшие литавры:

— С древних пор здесь град царей... Зелень пышная, дух зари парит над ней... — Дон-дон-дон!

— Четыре сотни лет пролетели сном... Печаль... — Дон! — Одежды знатных мудрых Дзинь истлели под холмом...

Певец безбожно фальшивил, а голос его, напоминавший скрежет огромного ножа по кости, пробирал до костей. В сочетании с дребезжанием разбитой меди он казался завыванием злых духов, не дающим покоя ни уму, ни сердцу.

Лу Сяофэн наполнил чаши — свою и друга.

— Надо же, — усмехнулся он. — Мы только присели, а нам уже музыку подают для поднятия духа.

— Знаешь, я уже было начал хмелеть, — Хуа Маньлоу улыбнулся в ответ, — но от этих песен голова мигом прояснилась. Даже усталость как рукой сняло.

Сами они бровью не повели, но у других постояльцев терпение оказалось не столь безграничным. Коридорный пулей вылетел за дверь и заорал:

— Тьфу на тебя! Что ж ты воешь, как по покойнику? А ну проваливай!

Слова-то он выкрикнул, да только в следующую секунду влетел обратно.

Ноги у него были свои, и воля тоже, но вернулся он вовсе не по своей воле. Бедняга летел по воздуху.

Хуа Маньлоу едва заметно повёл рукой, и поток мягкой энергии подхватил коридорного, не дав ему с грохотом обрушиться на обеденный стол.

— Почтенный, будь осторожен, — негромко произнёс Хуа Маньлоу.

Тот, мертвенно бледный от страха, забился за спину своего спасителя и, заикаясь, указал на дверь:

— Господин... он... он...

В этот миг «он» вошёл в зал.

На незнакомце была широкая одежда цвета индиго, подпоясанная яшмовым кушаком. Волосы, зачёсанные назад, перехватывала простая коричневая лента. Весь его облик выдавал человека, привыкшего следить за собой.

Лу Сяофэн не выдержал:

— Брат Хуа, гляди-ка — у него в руках нет литавр.

— Лу-сюн, а ты знаешь, где они спрятаны? — отозвался Хуа Маньлоу.

— И где же?

— У него в глотке.

Молодой человек в синем рассмеялся. Он лукаво вскинул брови, что придало его лицу лихое и благородное выражение.

— Вдоль вод скитаюсь я один... Взойду на терем — и снова выше, до вершин... — Дон-дон-дон!
— вновь проорал он.

Лу Сяофэн расхохотался так, как не хохотал уже очень давно. Он не мог и не хотел сдерживаться. От смеха он даже задел стол, расплескав вино из своей чаши, но не заметил этого.

Хуа Маньлоу тоже улыбался, но сдержанно и с достоинством, не позволяя себе такого разгула чувств.

— Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу, — произнёс гость.

Теперь его голос звучал совсем иначе — чисто, мелодично и удивительно приятно, без малейшего намёка на ту хриплую фальшь, что терзала слух мгновение назад.

— Как мне величать почтенного господина? — отсмеявшись и едва переводя дух, спросил Лу Сяофэн.

— Клан Тан, — ответил тот. — Тан Сьюй.

— Так это Девятый молодой господин Тан, — понимающе кивнул Хуа Маньлоу.

— Пение господина Тана поистине... монументально, — вставил Лу Сяофэн, и в его словах всё ещё слышалось веселье. — Да ещё и со встроенным аккомпанементом. Подобного таланта не сыскать во всём мире.

— Перед тем как человек умрёт, я всегда стараюсь, чтобы последние минуты он провёл в добром расположении духа, — спокойно заметил Тан Сьюй.

Если бы Лу Сяофэну суждено было погибнуть прямо сейчас, он и впрямь ушёл бы из жизни счастливым. Вот только умирать он пока не собирался.

— Что ж, сейчас мне и вправду весело, — подтвердил Лу.

Тан Сыюй улыбнулся, и в его взгляде проскользнуло искреннее удовлетворение — словно он совершил по-настоящему доброе дело. Внезапно он повернулся к Хуа Маньлоу:

— Слышал я, что техника «Летящих рукавов плывущих облаков» непревзойдённа, и ни одно скрытое оружие в мире не способно её пробить. Говорят, движения молодого господина Хуа исполнены грации, а мощь их совершенна. Сегодня Тан Цзю хотел бы лично в этом убедиться.

Не дожидаясь согласия, он коротко бросил:

— Прошу.

Слово «прошу» ещё не сорвалось с его губ, а он уже начал действовать. Бесчисленные тончайшие иглы, точно по мановению рычага, хлынули из его рукавов.

Расстояние между ними не превышало трёх чжанов.

Иглы были столь тонки, что глаз едва мог их различить. Движение было стремительным, но лишённым ярости. Это напоминало внезапный весенний ливень где-нибудь в Цзяннани.

Свободно летит цветок, лёгкий, точно сон. Бескрайний шёлковый дождь, тонкий, как печаль...

Скрытое оружие Тан Сыюя казалось нежнее весеннего дождя и тише осеннего ветра, но стоило лишь коснуться его — и смерть становилась неизбежной. Малейшее прикосновение сулило вечную скорбь.

Хуа Маньлоу не шелохнулся. Он застыл, точно человек, внемлющий шелесту капель под сенью террасы. Его рукав едва заметно взметнулся — лёгкий, небрежный жест, словно он просто хотел поймать ладонью этот бесконечный дождь, эту безбрежную печаль.

Он не пострадал. Поток его внутренней силы просто смахнул стальные волоски, точно дождевые капли с одежды.

Однако Хуа тут же отступил назад и резким движением смахнул остатки «дождя», нацеленного в сторону коридорного. Бедняга слуга даже не понял, что произошло. Он лишь тупо хлопал глазами, не ведая, сколь близка была смерть мгновение назад и как далеко она отступила теперь.

Но «дождь» Тан Сьюя не прекращался.

Вторая волна игл, густая, точно коровий волос, вырвалась наружу. На этот раз она была нацелена не в Хуа Маньлоу, а во всех присутствующих.

Хуа Маньлоу не мог допустить гибели невинных. Его складной веер взмыл в воздух и, раскрутившись, очертил в зале дугу, подобную росчерку туши.

Секунду спустя веер вернулся в руку хозяина. Никто не был ранен. Никто не пал замертво.

Хуа Маньлоу вдруг поднял ладонь кверху и опрокинул стоявшую на столе чашу. Вино выплеснулось, рассыпаясь мелкими брызгами. Капли упали на пол, увлекая за собой летящую сталь.

— Могучая внутренняя сила, — признал Тан Сьюй.

Веер остановил вторую волну «Бескрайнего шёлкового дождя», а вино развеяло третью, мчавшуюся подобно молнии. Именно третья волна была самой коварной: в ней дождь переставал быть нежным и мелким. Он становился стремительным и сокрушительным. Множество мастеров сложили головы, сумев отбить первые две атаки и не ожидая столь яростного финала.

Последние иглы летели в Лу Сяофэна.

Лу, конечно, всё видел. Но он и бровью не повёл — преспокойно допил своё вино и похвалил:

— Славный дождь!

Он любовался «дождём», зная, что ни одна капля его не коснётся. Вино Хуа Маньлоу уже смыло всю опасность.

Тан Сьюй не удержался от вопроса:

— Почему ты не стал ни уклоняться, ни защищаться? — Обращался он, разумеется, к Лу Сяофэну.

Тот лишь усмехнулся:

— Пока рядом со мной брат Хуа, мне остаётся только любоваться красотой момента. Разве он допустит, чтобы этот дождь испортил моё новое платье? Не так ли, брат Хуа? — Лу лукаво приподнял бровь, обращаясь к другу, хоть и знал, что тот его не видит.

— Насколько мне известно, твоё платье вовсе не новое, — отозвался Хуа Маньлоу с улыбкой. — Так что этот дождь пошёл бы ему только на пользу — смыть пыль дорог.

— Какое поразительное единодушие, — заметил Тан Сьюй.

Его «дождь» наконец иссяк.

— Поистине, «Бескрайний шёлковый дождь», — подтвердил Лу Сяофэн. — Три удара подряд, и ни один не слабее предыдущего. Впечатляет.

— Мастерство молодого господина Тана в скрытом оружии и впрямь оправдывает свою славу, — добавил Хуа Маньлоу.

Тан Сьюй лишь вздохнул:

— Каким бы славным ни было наше оружие, оно не защищено от непутёвых отпрысков, что воруют чужие секреты.

Он подошёл к их столу и присел рядом.

— Впервые я атаковал в закрытом помещении и не ранил ни единого человека. Моё почтение.

Хуа Маньлоу едва заметно улыбнулся:

— Думаю, возможности Девятого господина этим не ограничиваются.

Лу Сяофэн достал чистую чашу и наполнил её для гостя.

— Так в клане Тан кто-то взялся за чужие техники?

— Именно так, — кивнул Тан Сьюй.

— Я слышал, Старая госпожа Тан держит семью в ежовых рукавицах. Вряд ли кто-то осмелился бы на такое самовольство.

Тан Сьюй снова вздохнул:

— В том-то и беда, что бабушка об этом не знает. Да и не верит мне.

— Откуда же об этом известно тебе? — спросил Хуа Манью.

— Это оружие слишком необычно. Я видел его лишь раз, но забыть уже не смогу.

Лу Сяофэн подался вперёд:

— О чём речь?

Тан Сьюй посмотрел прямо на Хуа Манью и медленно произнёс:

— Семейная техника Хуа. «Игла, пронзающая сердце».

Лу и Хуа одновременно вздрогнули. Кто-то из клана Тан практикует секретную технику семьи Хуа?!

— Невозможно, — покачал головой Хуа Манью. — Даже если захотеть, нужны сами иглы. Где он мог их взять?

Тан Сьюй лишь пожал плечами:

— Не имею понятия. Но этот мой двоюродный брат — человек крайне скрытный. Его поступки невозможно предугадать, а мотивы — понять.

Он сделал паузу и добавил:

— Тан У. Речь о моём брате, Тан У.

Лу Сяофэн едва не подпрыгнул на месте:

— Ты сказал — Тан У?!

Тан Сьюй кивнул.

— Я видел, как он убил человека одной такой иглой. А потом заставил её выйти из тела жертвы и вернул себе.

Хуа Манью оставался внешне спокоен, хотя в душе его роились сомнения.

— Почему ты так уверен, господин Тан?

— Полгода назад я видел это собственными глазами. Я рассказал бабушке, но она не только не поверила мне, но и заперла под домашний арест за навет. А Тан У после этого покинул клан и исчез.

Он продолжил:

— Господин Хуа, сейчас все в Поднебесной твердят, что иглы семьи Хуа снова в деле. Говорят, они сразили двух мастеров из «Терема, подпирающего небеса». Все винят тебя. Но я в это не верю.

— Ты подозреваешь Тан У? — подхватил Лу Сяофэн.

Тан Сьюй решительно мотнул головой:

— Тут нечего подозревать. Это дело рук Тан У.

— Какая вражда может быть у Тан У с «Теремом, подпирающим небеса»? — спросил Хуа Маньлоу.

— Не знаю. Он никогда не делится своими планами.

— Если его враг не «Терем, подпирающий небеса», значит — семья Хуа, — подытожил Лу Сяофэн.

Тан Сьюй поднял взгляд на собеседников:

— Я прослышал, что господин Хуа намерен разобраться в этом деле, и пришёл встретиться с вами. Если вам попадётся Тан У, прошу — докопайтесь до истины. Если мои слова подтвердятся, доставьте его в клан Тан. Пусть он станет моим живым свидетельством. Пусть бабушка увидит правду и поймёт, что я не лгал.

Лу Сяофэн рассмеялся:

— Так ты, оказывается, пришёл нанять нас для своих дел?

Тан Сьюй допил вино и ответил:

— Дела семьи Хуа требуют решения, но и интересы клана Тан здесь замешаны. Я лишь хочу сэкономить немного сил — и вам, и себе.

— Если твои слова — правда, нам в любом случае придётся навестить клан Тан, — мягко, но

твёрдо произнёс Хуа Манью.

Тан Сьюй просиял:

— В таком случае — благодарю господина Хуа.

Он помедлил и спросил:

— Вы знаете, где сейчас Тан У?

— Нет, — ответил Хуа Манью.

Тан Сьюй поднялся. Его синее одеяние колыхнулось от лёгкого сквозняка, и он посмотрел с решимостью.

— Насколько мне известно, на днях Тан У объявился в поместье Красной птицы.

Лу Сяофэн быстро переглянулся с Хуа Манью. Хуа едва заметно кивнул в ответ. Между ними не нужно было слов — они поняли друг друга без остатка.

Поместье Красной птицы!

<http://bllate.org/book/17403/1658215>